УДК 811.161.1'28
DOI 10.23951/1609-624X-2019-2-21-27

ЖЕНСКИЕ ВОЗРАСТНЫЕ СТАТУСЫ В ДИАЛЕКТЕ: ДЕВИЧЕСТВО

М. А. Толстова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Введение. Проведен анализ вербализации представлений о девичестве в традиционной культуре.

Материал и методы. Материалом исследования послужили диалектные словари, а также материалы диалектологических экспедиций, проведенных сотрудниками Томского государственного университета в период с 1947 г. по наши дни на территории распространения говоров Среднего Приобья. Их использование позволило изучить представления о девичестве с учетом изменений, происходящих в диалектной культуре и обусловленных как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Результаты и обсуждение. Представления о девичестве объективированы в лексических и фразеологических единицах диалектного лексикона, номинирующих девушек и характеризующих их поведение. В крестьянской культуре вступление в брак для девушки считалось выполнением главного жизненного предназначения. Поэтому важную роль общество придавало сохранению девичей чести до замужества, что отразилось в наличии ряда устойчивых сочетаний, называющих девственницу. Несоблюдение этой нормы являлось большим позором для девушки и ее родителей. Потеря девственности и рождение ребенка до замужества характеризуется единицами, содержащими сему «стыд». В речи диалектоносителей используются зооморфные метафоры, указывающие на уподобление внебрачных отношений миру животных, в котором не действуют правила человеческого общества. Вступление в брак для девушки в традиционной культуре воспринимается как необходимость, что подтверждается результатами анализа обрядовой лирики. В диалектном фольклоре отмечены частушки, имеющие интенцию предупреждения или рекомендации не выходить замуж. Характерно присутствие в подгруппе, описывающей вступление в брак, большого количества глаголов, грамматическая форма которых отражает отсутствие участия девушки в принятии решения о браке. Анализ единиц, называющих свадебные обряды, подтверждает мысль о том, что вступление в брак имело экономическую выгоду и не зависело от эмоциональной привязанности. Свадьба трактуется как обрядовый переход, посвящение девушки в статус женщины. В то же время показана трансформация представлений о девичестве, обусловленная социальными, историческими, экономическими факторами.

Заключение. Диалектоносители отмечают изменение социальных норм. Осуждению подвергается поведение современных девушек, связанное с отношением к противоположному полу до замужества и отсутствием чувства стыда в связи с этим. В рассказах диалектоносителей говорится об исчезновении или упрощении свадебного обряда, об отсутствии законных отношений между супругами.

Ключевые слова: девичество, сибирский старожильческий говор, традиционная культура, диалект, возрастной статус.

Введение

Ключевым фактором социальной иерархии жизни российской деревни, определяющим поведение человека, положение в коллективе, функции в хозяйственной, бытовой и ритуальной сферах и влияющим на социальную идентичность, является принадлежность индивида к определенному полу и возрасту. «Половозрастная структура была едва ли не самым главным – биосоциальным – звеном в механизме воспроизводства, эволюции и передачи культурных ценностей, оформлявших народные знания и групповой опыт как залог продолжения человеческого рода» [1, с. 5–6].

В русском крестьянском обществе преобладало представление о трех основных фазах жизненного цикла: начале, середине и конце, которым соответствовали три возрастные категории – дети, взрослые, старики. В локальных традициях выделялось разное число категорий: от двух (дети и взрослые)

до пяти (дети, подростки, молодежь, взрослые, старики) [1, с. 24–25].

Одним из оснований выделения половозрастной иерархии является статус в браке, который также является одним из маркеров возраста человека. В крестьянской культуре браку отводили ключевую роль в жизни человека. Такое представление складывалось под влиянием различных факторов: христианской культуры, в рамках которой вступление в брак – это выполнение божьей воли, и социально-экономических условий жизни русской деревни: полноценное крестьянское хозяйство могло развиваться только при наличии в нем мужских и женских рук. Кроме того, женатый человек получал вдвое больше земли под пахотные и сенокосные угодья [2].

В диалекте функционируют следующие номинации женщин, указывающие на их статус в браке: *девка/девушка* (до замужества); *молодка/*

молодая/молодуха (молодая жена, с замужества до рождения первого ребенка или первой дочери); **баба, жена, хозяйка**¹ (замужняя женщина); **большуха, хозяйка**² (главная женщина в доме). Отклонения от названной нормы порождают другие статусы. Например, незамужнюю женщину называли **вековухой, девкой, старой девкой**; оставшуюся без мужа – **вдовой, вдовой/овдовой, вдовухой/овдовухой, вдовушкой**; женщину, находящуюся во внебрачной связи с мужчиной; **любовницей, полюбвицей**; брошенную мужем – **брошенкой, бросовой, разжённой**.

Первым взрослым этапом в жизни любой крестьянки являлось девичество. Смена детского статуса сопровождалась сменой номинации – **девочка** на **девушка**. В России период девичества обычно начинался с 15–16 лет – с момента вступления в половую зрелость и заканчивался тогда, когда девушка выходила замуж.

Феномен девичества являлся предметом исследования культурологов [3–5], этнографов [6], историков [7, 8], фольклористов [9–11].

Целью настоящей работы является анализ вербализации представлений о девичестве в традиционной культуре. Данные представления объективированы в лексических и фразеологических единицах диалектного лексикона. Проведенное исследование позволит выявить гендерные нормы и стереотипы, особенности мировоззрения, свойственные крестьянской культуре. Работа выполнена в рамках лингвокультурологического направления на материале сибирского старожильского говора.

Источниками исследования послужили диалектные словари [12–15], а также материалы диалектологических экспедиций, проведенных сотрудниками Томского государственного университета в период с 1947 г. по наши дни на территории Томской, Кемеровской и Новосибирской областей.

Результаты и обсуждение

В диалектных словарях сибирского говора для обозначения лица женского пола, достигшего физической зрелости, но не состоящего в браке, приводятся следующие имена существительные, относящиеся к одному словообразовательному гнезду корня дев-: **девка, девушка/деушка, девахы, девуха, девица, дева, девча, девунья, девонья, девчончишка, девочка, девчонка, девашка**. Период жизни девушки до замужества обозначается сочетаниями **в девках**: *Она у меня в девках, да потом тоже кружева-то плела*; **в девчонках**: *Валька така была хороша в девчонках*, называется **девбщиной**: *За всю девоцину одни чулки купила*.

Некоторые из номинаций, например: **девка, девочка, девчончишка, девчонка**, называют девочку и девушку одновременно, что говорит об отсут-

ствии четких границ между вербализаторами данных понятий. Эту мысль подтверждают и данные этимологического анализа: общеславянские слова **дева** и **дитя** восходят к одному индоевропейскому корню: «Дева. Вместе с дитя, ст.-слав. дѣтъя от к. *dhē(i) «сосать, кормить грудью», т. е. «кормящая (грудью)» [16, с. 491]. С одной стороны, «в славянском образовании deva лингвисты определяют значение способности «кормить грудью детей», а с другой – «содержит смысловой компонент «относящийся к детству», следовательно, называет социально неполноценного, недееспособного члена общества...» [17, с. 129]. Это объясняет и употребление слова **девка (старая девка, старая дева)** в значении «незамужняя женщина» как показатель неполноценности данного социального статуса.

Количественные данные вершининского словаря указывают на то, что наиболее частотной лексической единицей, обозначающей девушку, является просторечное слово **девка** – 207 употреблений (ср.: **девушка** – 85): *Девки на свадьбе не было, не приглашали. Придут, посмотрят – и всё, отвалайте от квартиры. // Молода была – ходила на вечорки вечером. Парни, девки соберутся. Летом на улицы*.

В отличие от литературного языка, в котором слово **девка** проходит путь от стилистически нейтральной номинации к разговорной, сниженной и устаревшей, а также обозначению девушки, принадлежащей низшему социальному слою (ср.: «Девка, 1. Разг.-сниж. = девушка. 2. Устар. Крестьянская девушка. 3. Устар. = Девушка (2 знач.) 4. Грубо. О развратной женщине, проститутке» [18]), в диалекте **девка** сохраняет нейтральную оценку, не содержит отрицательной коннотации и не имеет никакой стилистической и эмоционально-оценочной окрашенности.

В то же время отмечается наличие ряда диалектных фразеологических сочетаний с данной лексической единицей: **выгуль девка** (экспр., о физически здоровой, крепкой девушке), о девственнице: **выдержанная девка, неповеденная девка, рекордная девка, пожилая девка** (ирон., о девушке в возрасте 20–30 лет, о старой деве), **спаная девка** (о девушке, находящейся в половой связи с мужчиной вне брака).

Некоторые номинации не получают широкого распространения. Так, например, слово «девица» встречается только в фольклорных текстах: *Мама, мама, / Вырой яму, / Зарой девицу меня (частушка), Прилетал же ясный сокол, / Он садился на окошечко, / На хрустальное на стеклышко. / Увидала его девица краса / Да из высокого из терема. / Приглашала ясна сокола к себе (обрядовая лирика).*

Лексическая единица **барышня** отмечена в словарях двумя значениями и сопровождается поме-

той «уважительное»: 1) Молодая девушка, преимущественно городская: *Идёт одна барышня, красива, как у меня, ходили раньше с косой*, и 2) Девушка, за которой ухаживает юноша, по отношению к этому юноше. *К своим барышням подсядут, посидят, посидят, да и след простыл: гулять с девкой своей уходили.* // Он кавалер – она барышня его. В первом значении актуализируется семантика принадлежности девушки к городу: *Я вашим барышням сказала: миленьки вы мои, таки я пословицы вам берегла!* // *Идёт одна барышня, красива, как у меня, ходили раньше с косой.*

Представления о девичестве репрезентируют лексические и фразеологические единицы, характеризующие поведение девушки, которое традиционно оценивалось в категории чести. Для девушки честь означала девственность. Задача девушки состояла в том, чтобы сберечь свою честь до замужества. Будучи невинной, она оставалась молодой, поэтому утрата девственности выражена сочетанием **потерять молодость**: *Они нонче, как собаки, безо времени свою молодость потеряют.*

Важную роль, которую придавало общество девичей чести, отразилось в наличии ряда устойчивых сочетаний, называющих девственницу: **выдержанная девка**: *Раньше девки были скромные, замуж шли выдержанные, а сейчас поженятся, а через месяц рожают ребёнка, **неповеденная девка**: Если неповеденная девка – и родителям почет, **рекордная девка**: Он рекордну девку взял, хороша девка, сама себя держит хорошо, **самостоятельная девушка, честная девушка**: Прямо стыд-позор, выведут в одной сорочке, да ещё и повертят тебя. Что если ты и честная девушка. Да вот так сделано.*

Символом несохраненной девственности являются ворота, измазанные смолой или дёгтем: *Уродила в девках, бывало, парень обманул. Стыдом большим было. Раньше таким самокруткам ворота дёхтем мазали.* // *Да, тогда нельзя было. Это было позорно. И могли измазать дёгтем ворота, что здесь такая-то живёт, прости Господи.*

Рождение ребенка в период девичества характеризуется глаголами **нагулять**, **принести**, сочетанием **принести брюхо, родить/уродить в девках**: *Она водилась с этой суразюшкой, месяц водилась. Ну девчонку-то родила, молода-то. Без мужа, дак нагуляла.* // *Золовка моя была, в девках молоденька принесла девочку.* // *Рая её принесла в девкав, эту девочку-то...* Она вольна, Рая-то – я не в поношенье, я в хорошем отношении с Раей – потом ешо она с одним жила, ешо с одним жила... // *Раньше, если она принесла брюхо, так большой позор был.* // *А ей надо удавиться: все говорят, зачужелела [забеременела]. Ну, дык мало ли родят в девках-то?*

Девушек, родивших ребенка до замужества, называли **суразницей, сучонкой, блудней**, а ребенка **суразенком, блудником**: *Кто в девках, без замужества родит, та и суразница.* // *Суразница – которая суразёнка принесёт, в девках она, женищина, да не от мужа принесёт.* // *Ведь молода женищина, вот и сблудит, ребёночка принесёт. А ребёночек – суразёнок...* // [– А если внебрачный ребенок – девочка, как его называют?] – «Все равно сураз. Суразюшка». [– А женщину?] – «Сучонка». Зооморфная метафора в номинации девушки, родившей до брака и незаконнорожденного ребенка, указывает уподобление внебрачных отношений миру животных, в котором не действуют правила человеческого общества [19, с. 112]: *Она учёна, в городе жила, искурилась и принесла шишынёнка.*

Как отмечалось выше, вступление в брак для девушки считалось выполнением главного жизненного предназначения. Однако это событие приносило не столько радость, сколько перемену в судьбе, и не всегда к лучшему, поэтому общая картина замужества часто окрашена в минорные тона: оно воспринимается как необходимость и неизбежная тягость. В семье мужа девушку ждал тяжкий труд, а нередко и враждебность со стороны свекрови. В свадебной обрядовой лирике представлен сценарий, ожидающий девушку в ее новом доме: *Заплачь, заплачь, наша Дунюшка, / Хоть ты раз: / Не будет тебе такой волюшки, как у нас. / У нас была, куда хотела ходила, / У свекровки будешь, / Куда захочешь не пойдешь. / Родная мамка ранюсеньки не взбудит / И, вышедши на улицу, не обсудит. / Не родна мамка ранюсенько побудит / И, вышедши на улицу, обсудит: / Дремливая, сонливая невесточка, / Не докликаться, не добудиться Дунюшки.*

В диалектном фольклоре отмечены частушки, имеющие интенцию предупреждения или рекомендации не выходить замуж: *Не ходите, девки, замуж, / Не губите свою младость. / Какой муж навяжется, / Долгим век покажется.* // *Не ходите, девки, замуж, / Замужем не весело. / Я на что была орел – / Голову повесила.*

Дом мужа воспринимается как враждебный, характеризуется прилагательным **чужой**: *Тятенька говорил мне: «Будут, Саша, забижать, а ты терпи. Будут бить, хулить, ты и тут терпи. Дом у тебя теперь чужой, не тятенькин».* // *Рукодельники вышивали себе, не обязательно дарить кому-то. Девка потом уходила в чужой дом и с собой берёт.*

Характерно присутствие в подгруппе, описывающей вступление в брак, большого количества глаголов, грамматическая форма которых отражает отсутствие участия девушки в принятии решения о браке: **сосватали, выдали/отдали замуж**: *Шуру*

сговорил, сосватал и увёз её. // А иной раз силком венчались. Насильно отдавали девок в жёны. Вот она не идёт, а её выдают. Вона сначала плакала, а тогда привыкала, так и жили.

Внутренняя форма лексических единиц **силком, насильно, силодёрм** подтверждает мысль о том, что вступление в брак имело экономическую выгоду и не зависело от эмоциональной привязанности: Силой за богача отдавали. // Невеста никак не хочет. Её в короб заваливают и везут, силодёрм называется. // «Выдавали и силком. Да так, что и в глаза жениха не выдывали.

Решение о вступлении в брак принимали родители, исходя из экономической выгоды. Это подтверждают названия некоторых свадебных обрядов – **сговор, рукобитье** и глаголы, характеризующие эти действия, – **сговариваться, продавать невесту**: Сваты под матку садятся. Ну и вот начинают они сговариваться промеж себя... Ну и всё, сговариваются теперь. // Сначала сговорить невесту надо было, а потом уж и венчаться. А уж коли сговорили невесту, тут и гулянье начинается. Символическим актом, закреплявшим решение о проведении свадьбы и заключении брака, являлось **рукобитье**: Рукобитье – это когда приехали свататься родители. Когда высватают, приходит жених, делают рукобитье, полотенцем им руки накроют. «Пожимание рук в русском быту с давних времен означало заключение взаимовыгодного соглашения, договора. Оно традиционно узаконивало сделку, придавало ей характер правового акта» [2, с. 236].

Названные действия придавали новый статус просватанным молодым людям. Девушка отныне называлась **сговоренкой, невестой**: Как просватают девку, так сговорённой называли. // Невеста в ували была, в цветах. Уваль белая, как кисея. И цветы кругом.

Этимология слова **невеста** указывает на неопределённое положение девушки: «Невеста – стар. этимология, которая видит здесь первонач. знач. „неизвестная“ (см.: не и ведать) (ст.-слав. – извѣсть) – табуистическое название должно было защитить женщину, вступающую в чужой для нее дом, дом ее жениха, от злых духов; этим же объясняется и наличие у нее свадебного покрывала» [16, т. 3, с. 54].

Изменение статуса девичества на замужество отмечается сменой внешних маркеров: одежды, головных уборов, причёски. Главным символом девичества и невинности в традиционной культуре являлась **девичья коса**. До замужества девушки заплетали волосы в одну косу, украшали ее цветными лентами, замужние женщины – в две косы: Девушки нарядны ходили, косы заплетут, костюм купют. // Нет, я причёски не делала, только тут

гребёлка у меня в косе и коса большая у меня была. Девушек называли **самокрутками**, а замужних женщин **простоволосками**: Баба – простоволоска, а девка – самокрутка, потому что она две косы заплетает. Старых дев называли **сивокосыми**.

Важная роль отводилась действиям с девичьей косой в свадебных обрядах, которые символизировали переход девушки в возрастную группу замужних женщин. Обряд прощания невесты с косой заключался в ее заплетании, продаже, расплетании косы. Эти действия характеризуются следующими сочетаниями: **заплетать (плести) косу**: Девка всегда с одной косой ходила, а уж бабу в две заплетали, и так она с двумя ходила. Под венцом она уж с распушенными волосами стоит, нет, косы нету. А когда из церкви приехали, за столом сидят, тогда ей косы заплетают. Сваха, накрест заплетают, или каво-то содют. Одна одну косу, а другая – другую, вот и сидят и плетут, **продавать косу/выкупать косу**: Как свадьба, дак брат невестину косу продаёт. Кидают ему, кидают. Потом девушки песни поют, а невеста не поёт, плачет, вроде как со своим девичеством прайишатца. // Вот сели за стол. Помню, как косу продавали у меня, брат продавал косу, младший брат, младше меня на семь лет был, стали торговаться, дали два рубля, он сгреб из-за стола и убежал; **расплетать косу**: Играют свадьбу целую неделю. Перед венцом невесте расплетают косу и заплетают, как у замужней женщины; **пропивать косу**: На другой день после девичника пропивают косу. // Наливают вино, подают этим, кто сидел, продавал косу, значит, теперь освободите нам место.

Замужняя женщина носит **косы по-бабьи**: Когда девушка замуж выходит, так у ней коса одна была. А тут её под шаль садят, и жених заплетает ей косу одну, а другую кто-то другой. Потом косы уже по-бабьи завязывают платочками. Тады уж молодуха не снимает платка.

Головной убор, маркирующий новый социальный статус замужней женщины, – **платок, повойник, шаль**: Носили бабы повойник, а девки не носили. В обрядовом дискурсе этот переход обозначается глаголами **завязать, повязать, подвязать, окручинить, окрутить, накрыть, закрыть**: После свадьбы вечером отходят. Тогда снимают вот эти венцы самые, завязывают платком, молодуху повязывают белым платком, назад, и все снимают. Снимают и платье, и всё. // Молодуху эту девушку окрутят, платочек на ее сюда вот подвяжут, красиво. // Нас раньше с венца накроют шалью. // Молодуха кода обвенчается, её окрутят за столом платком по-бабьи и косы по-бабьи заплетут. В две косы, в девках одну косу носили, а теперь мужняя жена – две косы. Традиционно свадьба трактуется как обрядовый переход, посвящение девушки в ста-

тус женщины, «которое символически переосмысливается как „смерть“. Данная семантика эксплицирована посредством распространителей, обозначающих действия, направленные на уничтожение во внешности признаков незамужней девушки» [20, с. 123]. Этим обусловлено функционирование как в свадебном, так и в похоронном дискурсе глаголов **плакать, рыдать, причитать, голосить**: *Потом стали косу расплетать. А я-то причитаю: «Родима ты моя, мамонька». А я плачу-плачу, да не могу уняться плачу. Я опять причиты. Тятя давай маленько расплетать, да мачеха, да девчонки.*

Однако в анализируемых текстах нашли отражение и трансформации представлений о девичестве. Диалектоносители, сравнивая свое поколение с современным, отмечают изменение социальных норм. Осуждению подвергается поведение современных девушек, связанное с отношениями с противоположным полом до замужества и отсутствием чувства стыда в связи с этим: *Раньше лёлька за невесту ручается, что она честная. На лёльку хомут наденут, если соврёт. Раньше позор был, а счас без позору. Молодёжь бессовестная стала, ни уважению, ни приглашению. // А вот пойдёшь, ты вместе и идёшь вместе – парень и девка – вместе мы все ходили. Ну и вот тут как-то и как познакомисся, и всё. И вот и начал, вот он ходит за тобой без конца: «Пойдём туда, пойдём сюда». Но такой не было истории, как сейцяс творится. Это бы я пошла в чужую квартиру в кладовку с парнем спать. [Вот раньше же тоже были «плохие девушки»?] Да, были. [Вот какие они были?] Также так же рожали детей, не замужем и рожали вот. Но их тогда, колхозные собранья были, их на собрании ругали, и всё председатель, вся ко.*

В рассказах диалектоносителей говорится об исчезновении или упрощении свадебного обряда: *Я когда выходила; тогда без венца не выходили [замуж]. Как повенчаются, тогда и бери. Счас не заплетают косу, не завешивают. // Нет, у нас*

свадьбы не было, девочки, свадьбы не было у нас, просто так вот, его друзья в Белом Яре собрались. Ну, это не свадьба, я считаю, там. Не было свадьбы, так вот. Поженились. // Ну а кода' поженились, тогда у нас свадьбы не было никакой. [Не было, да?] Нет, потому что у него отец пил, ну, а мама у меня была, жила одна, без мужа: у нас отца убили же на фронте, ну и вот мама грит: «Мне свадьбу не на чего справлять, но если бы они бы согласились справлять свадьбу, я бы маленько помогла», ну, а я сказала: «Мама, не надо никакой свадьбы, раз отец пьёт, а ты чё нам сде'лашь, каку' нам свадьбу?»

Заключение

Таким образом, выявленные представления отражают значимость возрастного статуса девичества в традиционной культуре. Лексические и фразеологические единицы, используемые для номинации и характеристики лиц женского пола, достигших физической зрелости, но не состоящих в браке, обозначают не только гендерную принадлежность, физический возраст и социальный статус, но и отражают целую область правил, представлений и отношений, свойственных крестьянской культуре.

Данные анализа языкового материала позволяют выделить мировоззренческие установки коллектива и подтверждают мысль о том, что традиционно девичество воспринимается как переходный возрастной статус. Задачей девушки в данный период становится подготовка к главному жизненному предназначению – замужеству. Вступление в брак и сохранение девичей чести воспринимаются как необходимость, следование социальной норме.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043 «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

Список литературы

1. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л.: Наука, 1988. 274 с.
2. Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники: энциклопедия. СПб.: Азбука-классика, 2003. 560 с.
3. Борисов С. Б. Мир русского девичества, 70–90-е годы XX века / отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М.: Ладомир, 2002. 342 с.
4. Михалева А. Ю. Девичество как феномен русской культуры // Аналитика культурологии. 2011. № 19. С. 285–293.
5. Михалева А. Визуальная культура девичества // Аналитика культурологии. 2011. № 20. С. 149–153.
6. Шангина И. И. Русские девушки. СПб., 2007. 352 с.
7. Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с. (Гендерные исследования).
8. Белова А. В. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX в.: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. № 4. С. 45–63.
9. Бернштам Т. А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. // Русский свадебный обряд: исследования и материалы. Л., 1978. С. 48–71.

10. Бернштам Т. А. Совершеннолетние девушки в метафорах игрового фольклора (традиционный аспект русской культуры) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 234–257.
11. Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины / пер. с англ. А. Зиндер. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 434 с.
12. Вершининский словарь / авт.-сост. В. Г. Арьянова и др.; гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999–2002. Т. 1–7.
13. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / сост. В. В. Палагина и др.; под ред. В. В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964–1975. Т. 1–3.
14. Словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 1–5.
15. Словарь синонимов сибирского говора / авт.-сост. О. И. Блинова, М. Э. Гавар, М. А. Толстова; под ред. О. И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 454 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: около 4000 слов: в 4 т. 4-е изд., стереотип. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Астрель, 2004.
17. Ефремов В. А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина – женщина»: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 406 с.
18. Большой толковый словарь русского языка / авт., руковод. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвистических исследований. СПб.: Норинт, 2008. 1534 с.
19. Угрюмова М. М. Лингокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья: дис. ... канд. наук. Томск, 2014. 164 с.
20. Тараканова Д. А. Символический компонент значения диалектного слова (на материале говоров Среднего Приобья): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 192 с.

Толстова Мария Анатольевна, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050). E-mail: tolstova_11@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15.10.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-2-21-27

FEMALE AGE STATUSES IN A DIALECT: THE MAIDENHOOD

M. A. Tolstova

National Research Tomsk State University, Tomsk

Introduction. The purpose of the article is the analysis of verbalization of maidenhood concepts in traditional culture. The materials of the study are dialect dictionaries, as well as the materials of dialectological expeditions conducted by Tomsk State University linguists from 1947 to nowadays in the dialects distribution territory of the Middle Ob Region. The use of this material allows us to explore the concept of maidenhood, taking into account the changes taking place in the dialect culture and caused by both linguistic and extralinguistic factors.

Results. Concepts of maidenhood are objectified in the lexical and phraseological dialect units, nominating maidens and characterizing their behavior. In peasant culture, marriage was considered as the fulfillment of the main female life purpose. Therefore, society demonstrated the importance attached to the preservation of maiden honor. It was reflected in a number of stable combinations that denominate a virgin. Noncompliance with this form was a great disgrace for a girl and her parents. The loss of virginity and the birth of a child before marriage are characterized by units containing seme 'shame'. Zoomorphic metaphors are also used in dialect speech, indicating the comparison of extramarital relations with the animal world, in which the rules of human society do not operate. Marriage for a girl in traditional culture is perceived as a necessity, this fact is evidenced by the analysis of ritual lyrics. In dialectal folklore ditties are recorded with the intention of warning or recommendations not to marry. The use of a large number of verbs, the grammatical form of which reflects the lack of participation of the girl in the decision to marry is also characteristic. The analysis of the units nominating wedding ceremonies confirms the idea that marriage was economically beneficial and did not depend on emotional attachment. The wedding is treated as a ritual transition, initiating a girl to the status of a woman. At the same time, the transformation of the concept of maidenhood is shown due to social, historical and economic factors. Dialect speakers note a change of social norms. They condemn the behavior of modern girls, in relationships with the opposite sex before marriage, and the lack of a sense of shame for that matter.

Dialect speakers also mention the disappearance or simplification of the wedding rite and the absence of legal relations between the spouses.

Keywords: *maidenhood, dialect, traditional culture.*

References

1. Bernshtam T. A. *Molodezh v obryadovoy zhizni russkoy obshchiny XIX – nachala XX v.: polovozrastnoy aspekt traditsionnoy kul'tury* [Young people in the ritual life of the Russian community of the 19th century – beginning of the 20th century: age and sex aspect of traditional culture]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 274 p. (in Russian).
2. Shangina I. I. *Russkiy narod. Budni i prazdniki: Entsiklopediya* [Russian people. Weekdays and holidays: Encyclopedia]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2003. 560 p. (in Russian).
3. Borisov S. B. *Mir russkogo devichestva. 70–90-ye gody XX veka*. Otv. red. S. Yu. Neklyudov [The world of Russian girlhood. 70–90-ies of the twentieth century. Ed. S. Yu. Neklyudov]. Moscow, Ladomir Publ., 2002. 342 p. (in Russian).
4. Mikhaleva A. Yu. Devichestvo kak fenomen russkoy kul'tury [Girlhood as a phenomenon of Russian culture]. *Analitika kul'turologii*, 2011, no. 19, pp. 285–293 (in Russian).
5. Mikhaleva A. Vizual'naya kul'tura devichestva [Visual culture of girlhood]. *Analitika kul'turologii*, 2011, no. 20, pp. 149–153 (in Russian).
6. Shangina I. I. *Russkiye devushki* [Russian girls]. Saint Petersburg, 2007. 352 p. (in Russian).
7. Belova A. V. "Chetyre vozrasta zhenshchiny": povsednevnyaya zhizn' russkoy provintsial'noy dvoryanki XVIII – serediny XIX v. ["The four ages of women": The daily life of a Russian provincial noblewoman of the 18th – mid-19th centuries]. Saint Petersburg, Aletyia Publ., 2010. 480 p. (in Russian).
8. Belova A. V. Devichestvo rossiyskoy dvoryanki XVIII – serediny XIX v.: telesnost', seksual'nost', gendernaya identichnost' [The girlhood of a Russian noblewoman of the 18th – mid-19th century: physicality, sexuality, gender identity]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*, 2006, no. 4, pp. 45–63 (in Russian).
9. Bernshtam T. A. Devushka-nevesta i predbrachnaya obryadnost' v Pomorie v XIX – nachale XX v. [The bride girl and the pre-nuptial ritual in Pomorie in the 19th – early 20th century]. *Russkiy svadebnyy obryad: issledovaniya i materialy* [Russian wedding ceremony: studies and materials]. Leningrad, 1978. Pp. 48–71 (in Russian).
10. Bernshtam T. A. Sovershennoletniye devushki v metaforakh igrovogo fol'klora (traditsionnyy aspekt russkoy kul'tury) [Adult girls in game folklore metaphors (traditional aspect of Russian culture)]. *Etnicheskiye stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya* [Ethnic stereotypes of male and female behavior]. Saint Petersburg, 1991. Pp. 234–257 (in Russian).
11. Olson L. *Traditsiya. Transgressiya. Kompromiss: miry russkoy derevenskoy zhenshchiny*. Per. s angl. A. Zinder [Tradition. transgression. compromise: the worlds of the Russian village woman. Translation from English by A. Zinder]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2016. 434 p. (in Russian).
12. Ar'yanova V. G. et al. *Vershininskiy slovar'*. T. 1–7 [Vershinsky dictionary. Vol. 1–7]. Tomsk, TSU Publ., 1999–2002 (in Russian).
13. *Slovar' russkikh starozhilcheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi*. T. 1–3 [Dictionary of Russian old-time dialects of the middle part of the basin of the r. Obi. Vol. 1–3]. Tomsk, TSU Publ., 1964–1975 (in Russian).
14. *Slovar' russkikh govorov Sibiri*. Pod red. A. I. Fedorova. T. 1–5 [Dictionary of Russian dialects of Siberia. Ed. A. I. Fedorov. Vol. 1–5]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. (in Russian).
15. Blinova O. I., Gavar M. A., Tolstova M. A. *Slovar sinonimov sibirskogo govora*. Pod red. O. I. Blinovoy [Dictionary of synonyms of the Siberian dialect. Ed. O. I. Blinova]. Tomsk, TSU Publ., 2016. 454 p. (in Russian).
16. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: okolo 4000 slov: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: about 4000 words: in 4 volumes]. Moscow, Astrel' Publ., 2004 (in Russian).
17. Efremov V. A. *Dinamika russkoy yazykovoy kartiny mira: verbalizatsiya kontseptual'nogo prostranstva "muzhchina – zhenshchina"*. Dis. dokt. filol. nauk [The dynamics of the Russian language picture of the world: the verbalization of the conceptual space "man – woman". Diss. doct. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2010. 406 p. (in Russian).
18. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big Dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2008. 1534 p. (in Russian).
19. Ugryumova M. M. *Lingvokul'turologicheskii portret rebenka v govorakh Srednego Priobia*. Dis. kand. filol. nauk [Linguocultural portrait of a child in the dialects of the Middle Ob. Diss. cand. philol. sci.]. Tomsk, 2014. 164 p. (in Russian).
20. Tarakanova D. A. *Simvolicheskii komponent znacheniya dialektnogo slova (na materiale govorov Srednego Priob'ya)*. Dis. kand. filol. nauk [The symbolic component of the dialect word meaning (on the material of the Middle Ob basin dialects). Diss. cand. philol. sci.]. Tomsk, 2012. 192 p. (in Russian).

Tolstova M. A., National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: tolstova_11@mail.ru